

Историческая судьба законов земельной ренты в России в условиях национализации земли

© 2010 В.М. Кусков

кандидат экономических наук, доцент

Самарский государственный экономический университет

E-mail: ecsn@sciex.ru

Рассмотрены теории земельной ренты, выдвигаемые российскими и советскими учеными-экономистами в течение 1917-1930 гг. Дан анализ дискуссии о судьбе абсолютной земельной ренты в России в условиях национализации земли.

Ключевые слова: земельная рента, теории, национализация земель.

История развития экономики нашей страны, ее проблемы в значительной степени определялись учетом экономических законов воспроизводства общества, в том числе законов земельной ренты. Поэтому необходимо выяснить различные теории земельной ренты, которые выдвигались российскими учеными в условиях социализации нашего общества. Особенно важно объективно рассмотреть проблемы земельных отношений того времени через призму настоящего, когда идеологические факторы уже не довлеют над наукой.

История и практика осуществления социализации общества в различных странах показывают, что, исходя из сложившихся социально-экономических условий, началом образования предпосылок для социализации земельных отношений можно считать: во-первых, ликвидацию частной земельной собственности на основе национализации земельных ресурсов или, во-вторых, устранение крупного частного землевладения путем его раздела и передачи в частную собственность крестьянству в соответствии с принципом “Земля тому, кто ее обрабатывает”.

Советская власть выбрала путь национализации земли как меру “идеально чистого” развития капитализма в земледелии. “Национализация земли меняет владельца дифференциальной ренты и подрывает самое существование абсолютной. Национализация есть, следовательно, - отмечал В.И. Ленин, - с одной стороны, частная реформа в пределах капитализма (перемена владельца одной части прибавочной стоимости), а с другой стороны, отмена монополии, стесняющей все развитие капитализма вообще”¹. В результате национализации земли меняются не только субъекты присвоения ренты, но и сама рента претерпевает определенные количественные изменения. Отметим, что обстоятельно этот вопрос был изучен в свое время профессором Е.Е. Лысовым². Абсолютная рента, созданная в

земледелии, перераспределяется через механизм цен между промышленностью и сельским хозяйством по средней норме прибыли. Вследствие данного отрицания частнокапиталистической формы абсолютной ренты несколько понижается и величина дифференциальной ренты.

Более упрощенную позицию в отношении судьбы земельной ренты после ее национализации занимали ряд марксистов. Так К. Каутский считал абсолютную ренту порождением лишь монопольной цены, установленной выше общественной цены производства продуктов, и с уничтожением частной собственности, по его мнению, ликвидируется абсолютная земельная рента, а дифференциальная не претерпевает никаких изменений³.

Таким образом, буржуазная национализация земли создает предпосылки к снижению цены земледельческого продукта, но если материальная основа абсолютной ренты как элемент действительной стоимости (цены производства) данного продукта влияет на этот процесс через распределение ее самой между промышленным и земледельческим капиталом по средней норме прибыли, в результате чего она оказывается реализованной в прибыли земледельческой и промышленной продукции, то дифференциальная рента ни при каких условиях не входит в общий фонд выравнивания по средней норме прибыли. Она результат цены земледельческого продукта и не участвует в образовании этой цены. Поэтому с понижением цен на сельскохозяйственную продукцию сокращается часть ее ложной социальной стоимости, которую до национализации улавливала и фиксировала частная земельная собственность.

В условиях национализации земельной ренты общественные отношения по поводу использования и владения землей как источником капиталистического дохода и объекта государственной собственности усложняются тем, что возни-

кает необходимость учета не только производства, но и распределения прибавочной стоимости как ее избытка над средней (нормальной) прибылью. Создаваемая в капиталистическом хозяйстве материальная основа абсолютной ренты сохраняет свое значение в регулировании пропорций между сельским хозяйством и промышленностью, с одной стороны, и платежеспособным спросом и предложением этой продукции, с другой стороны. В данных условиях национализация материальной основы абсолютной и дифференциальной ренты в соответствующих необходимых формах обеспечивает воздействие государства на землепользование и землевладение в целях дальнейшего развития производительных сил капитала. И гражданское общество должно с полным основанием воспринять такое движение земельной ренты.

В противовес такому пониманию процесса ликвидации частной земельной собственности теоретики эсеровской партии выдвинули тезис “о социализации” (уравнительности) землепользования и устранения земельной собственности вообще. Так, эсеровский теоретик С. Зак предлагал “опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, на распространенные среди него убеждения, что земля ничья...”. “Очевидно, - заявлял С. Зак, - под социализацией земли следует понимать совершенное упразднение из юридического лексикона собственности на землю: принадлежать всем, земля не принадлежит никому, и те или иные коллективы, начиная с государства и кончая “свободными общинами земледельцев”, имеют власть над землей лишь в пределах заведывания ею, поскольку это заведывание необходимо для уравнительного распределения земли между земледельцами, обрабатывающими предоставленную им землю исключительно трудом собственных рук”⁴.

В основу уравнительности землепользования российские социал-революционеры ставили потребительно-трудовую норму, как простую общественную форму выражения потребительной силы и производительной силы общества. Истоки данного понимания общественной формы выражения производительного земледельческого труда и судьбы земельной собственности в результате ликвидации частной ее формы уходят в неправильную трактовку земельной ренты. Эту категорию эсеровские теоретики отождествляли лишь с частной собственностью. Так, С. Зак все грехи, связанные с частной земельной собственностью, взваливал на земельную

ренту. Именно частная земельная собственность якобы устанавливает цены на сельскохозяйственную продукцию по худшим условиям производства. “Поэтому, - заявлял С. Зак, - с ликвидацией этой формы собственности учет дифференциальной ренты не имеет большого значения. Факт уравнительного распределения земли будет добавляться к фактам уравнительного распределения доходов”⁵. С. Зак считал, что в условиях начала XX в. низкое органическое строение капитала в земледелии не подтверждается данными и не является условием существования абсолютной ренты. Последнюю он предпочитал сводить к монополюльной цене как причине ее существования. Отсюда, по его мнению, более высокая норма прибыли может существовать только при монополюльных ценах на земледельческую продукцию, которые с эволюцией сельского хозяйства уничтожаются⁶.

Итак, С. Зак пытался независимо от способа производства установить предпосылки гибели земельной ренты в условиях капитализма и делал вывод об отсутствии надобности постановки вопроса о судьбе земельной ренты. “...Если дни по земельной ренте сосчитаны, - заявлял он, - то не следует ли признать, что ход сельскохозяйственной эволюции говорит о тенденции не к замене частной собственности государственной, а к упразднению земельной собственности вообще...”⁷ Отсюда, по мнению эсеров, возможна “социализация” земли без социализации капитала и учета закона стоимости.

Отсутствие эволюционного подхода к рассмотрению судьбы монополии земельной собственности и земельной ренты обрекали аграрную теорию эсеров на абстрактность и неосуществимость. В.И. Ленин, отвергая уравнительность землепользования в условиях национализации земли и негативного отношения эсеров к государственной земельной собственности, прямо сводил поземельные отношения в этих условиях к отношениям между государством (обществом) как собственником земли и непосредственными производителями как ее арендаторами. “Если сказать, что земля перейдет к народу, - писал В.И. Ленин, - это значит, что собственность помещичья будет уничтожена; это значит, что вся земля принадлежит всему народу; это значит - всякий, кто берет землю, берет ее как аренду у всего народа. Если порядок установится, это значит - никакого различия по землевладению не останется... Значит ли это, что земля передается всем трудящимся? Нет, не значит. Вольный труд на вольной земле - это значит, что все старые формы землевладения сведены на нет, никакого иного землевладения кроме общегосударствен-

ного, нет; каждый берет землю в аренду у государства; есть государственная общая власть, власть всех рабочих и крестьян; у этой власти берет один крестьянин как арендатор; между государством и крестьянином никаких посредников нет; всякий берет на равных началах; это есть вольный труд на вольной земле⁸. Эта идея действительного использования законов земельной ренты как необходимости была реализована советским государством при осуществлении НЭПа.

Таким образом, аренда земли в условиях буржуазной национализации и аренда в условиях частной земельной собственности - это единство противоположностей выражения формы земельной ренты, которая отображает различные ступени развития капиталистического способа производства и монополии земельной собственности вообще. Аренда земли в условиях ее национализации не изменяет сущности капитализма, его основного экономического отношения, но фиксирует меньшую величину земельной ренты и тем самым способствует как предпосылка прогрессу в развитии производительных сил капитала, а получаемая государством рента направляется на развитие экономики в целом.

Выяснив основные предпосылки начала становления социализации земельной собственности в России, рассмотрим ряд теорий, обосновывающих судьбу земельной ренты в стране. Одними из первых, кто ввел в научный оборот положение о ренте в советском государстве, были А. Богданов, Н. Суханов, Г. Студенский, Я. Берздыс.

Н. Суханов стоял на позициях дифференциальной ренты Д. Рикардо и отрицал теорию абсолютной ренты. Последнюю он сводил не к земельной собственности, а к монопольным ценам. «Поэтому, - утверждал Н. Суханов, - кроме ренты (дифференциальной. - В.К.) или независимо от размера ренты, налога с земли взиматься не должно... Взимание налога сверх ренты есть обложение прибавочного труда, то есть эксплуатация государством работника, как такового...»⁹. А. Богданов также считал, что с буржуазной национализацией земли абсолютная рента исчезает, а дифференциальная - остается. Он выступал против классического понимания судьбы абсолютной ренты Марксом в этих условиях. Поэтому у него арендный налог в условиях национализации земли не является рентой, а имеет «...другое социально-классовое значение этого слова...»¹⁰.

Другой позиции в отношении судьбы земельной ренты в условиях социализации земли придерживался Я. Берздыс. Он отмечал: «В ус-

ловиях диктатуры пролетариата государственная монополия на землю как объект хозяйства и права превращается в один из основных источников социалистического накопления. Рента как категория капиталистического хозяйства вступает в процесс своего превращения»¹¹.

Одним из первых, кто попытался выяснить вопрос о существовании земельной ренты в мелкотоварном крестьянском хозяйстве, был Г. Студенский. Он рассматривал природу земельной ренты применительно к любому типу хозяйства независимо от его экономического содержания. «Всякое хозяйство, живущее в условиях ценообразования, неминуемо регулируется принципами менового хозяйства, в первую очередь принципом издержек...»¹² Последнее, как считал Г. Студенский, в условиях аграрной страны остается неустранимым и земельная рента составляет закономерную долю в крестьянском доходе. Он выступил против увлечения дифференциальной рентой в ущерб «наиболее простой формы ренты как ренты ограниченности» и сводил земельную ренту к цене за пользование землей, определяемой капитализацией нормального процента и участвующей в арендном обороте¹³. Там, где землепользователи не сдают землю в аренду и ведут на ней свое хозяйство, земельная рента реализуется внутрихозяйственным путем: она должна быть покрыта по принципу издержек из общего выхода продукции. В этом случае, не представляя собой обособленной части стоимости продукта, как признавал Г. Студенский, рента должна рассматриваться как элемент чистого земледельческого дохода¹⁴.

Действительно, наличие или отсутствие земельной ренты в крестьянском хозяйстве связано с наличием или отсутствием производства продукта сверх необходимого, т.е. требуется изучение доходности отдельных хозяйств. Если обратиться к анализу рентных отношений в дореволюционной России, то в большей своей массе преобладала отработочная арендная система (испольщина, аренда исполы, аренда за отработки, отработки за долги и др.). Эта арендная система схожа с издольной системой, в которой «рента... уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще»¹⁵. Отработочная арендная система в этих условиях выступала как переходная (по содержанию и форме) к капиталистической земельной ренте. Пережитки крепостничества в России тормозили развитие производительных сил земледелия, так как значительная часть прибавочного продукта превращалась в ренту, а меньшая его часть шла в накопление, или последнее не образовывалось вообще.

Ликвидация помещичьего землевладения изменила процесс формирования дохода в мел-

котоварном крестьянском хозяйстве. Теперь большая часть дохода могла использоваться для расширенного воспроизводства экономического плодородия почвы, а оставшаяся часть - превращаться в ренту. Тем самым значительная доля дохода, ранее представляемая рентой, в условиях социализации земли превращалась в общественный минимум для расширенного воспроизводства хозяйства, т.е. становилась элементом основного чистого дохода землепользователя. "В наших условиях при довоенном соотношении ценообразующих факторов, - отмечал Г. Студенский, - рента составляет такую высокую долю в общем чистом доходе, что не может быть речи о полном ее налоговом изъятии. В огромной своей части рента вошла в крестьянском хозяйстве в хозяйственный минимум и не может быть изъята в полном объеме без самых тяжелых последствий для сельского хозяйства страны... Речь может идти только о частичном изъятии ренты, то есть о пропорциональном налоге на земельную ренту"¹⁶.

Следовательно, доход середняцкого крестьянского хозяйства в этот период времени был представлен основным чистым доходом и дополнительным (рентным), которые в процессе воспроизводства могли изменяться под влиянием определенных условий производства и конъюнктуры рынка. Советскому государству, как монополю землевладельцу, важно было учитывать эти изменения и соответствующей системой поземельного налогообложения воздействовать на образование данной величины земледельческого дохода и размеры его изъятия. Поэтому пристальное внимание Советское государство уделяло правильному определению той части дохода крестьянина, которая была бы изъята в качестве поземельного налога. Так, В.И. Ленин неоднократно указывал на необходимость правильного сбора продналога с обязательным установлением связи между его размером и урожайностью продукта¹⁷.

На наш взгляд, мнение, что в середняцком хозяйстве в условиях многоукладной экономики не могла образовываться земельная рента, не соответствует ни эволюции развития мелкотоварного хозяйства, ни политике Советского государства того времени. Так, постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. "О взимании ренты с земель государственных и предоставленных транспорту" прямо устанавливалась основная (абсолютная) и дополнительная (дифференциальная) ренты в черте города. Первая форма ренты определялась уровнем общественной доходности земель сельскохозяйственного назначения. В то же время с участков городской земли, облагае-

мых единым сельскохозяйственным поземельным налогом, основная и дополнительная ренты не взимались¹⁸. Если это принять во внимание, то между сельскохозяйственным налогом и основной, дополнительной земельной рентой существовало определенное положенное тождество формы и содержания, хотя в нормативных документах того времени в силу идеологического фактора сельскохозяйственный поземельный налог не сводился к абсолютной и дифференциальной ренте.

Земельную ренту мелкотоварного крестьянского хозяйства в условиях социализации земли можно называть переходной по форме, но не по содержанию. Оставаясь в своей основе мелкотоварной, данная форма ренты использовалась в интересах как самого крестьянина, так и в интересах экономики в целом. Монополия государственной земельной собственности, обеспечивая общенациональные накопления, воздействовала на регулирование доходообразования крестьянского хозяйства через механизм поземельного налогообложения, что способствовало выравниванию условия хозяйствования.

В СССР активную и последовательную позицию в отношении существования абсолютной ренты в условиях госкапитализма занимали Я. Берздыс и Л. Шанин. Они выступали теоретическими противниками абсолютного отрицания этой земельной ренты в результате национализации земли и одними из первых поставили вопрос о необходимости в условиях переходного периода использования двух форм земельной ренты. Так, Л. Шанин писал: "Относительно абсолютной ренты нельзя утверждать, что национализация ничего не меняет в ней. Но отсюда нельзя делать вывода, что поэтому национализация разрушает абсолютную ренту. То что всем формам земельной ренты обще то, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности, относится к самому факту присвоения, и его нет, когда речь идет о создании каждого из двух видов земельной ренты"¹⁹. Я. Берздыс не только попытался провести различия между абсолютной и дифференциальной рентами, установить их необходимость для советского государства, но и сделал вывод о существовании двух форм абсолютной земельной ренты²⁰. В использовании земельной ренты в условиях госкапитализма Я. Берздыс видел "историческое назначение, роль и оправдание государственной собственности на землю при диктатуре пролетариата"²¹.

Л. Шанин считал, что действительная реализация абсолютной ренты обеспечивается соответствующим уровнем земледельческих цен. Ис-

кусственная ликвидация этой ренты путем снижения цен на сельскохозяйственную продукцию и поспешное повышение реальной зарплаты и прибыли в промышленности, отмечал он, не способствует развитию производительных сил общества. Такое распределение эффекта от ликвидации абсолютной ренты не может быть ни предусмотрено наперед, ни спланировано. “Только в том случае, - писал Л. Шанин, - когда эта рента сохраняется в цене сельскохозяйственной продукции и национализируется, она может планомерно использоваться с соответствующим социально-экономическим назначением”²².

В то же время Я. Берздыс и Л. Шанин достаточно ясно не давали отличия между рентами, возникающими в разных социально-экономических укладах в земледелии. Для Я. Берздыса, само собой разумеется, существовала средняя норма прибыли, регулирующая производительную силу труда в сельском хозяйстве и промышленности. “...Лишить деревню средней нормы прибыли, то есть возможности накапливать, означало бы сузить внутренний рынок для промышленности, следовательно, - делал вывод Я. Берздыс, - сузить размеры социалистического накопления”²³. Ошибочность этой позиции заключалась в применении закона средней прибыли к мелкотоварному средняцкому хозяйству.

Существенные замечания относительно судьбы земельной ренты в условиях госкапитализма высказывал С. Солнцев. Так, он отмечал, что “новые отношения с новым содержанием обычно входят в жизнь в старой оболочке, в старых формах...”²⁴, новое содержание подготавливается в старых формах. “...Может оказаться, - писал С. Солнцев, - что данная (обнаружившаяся) земельная рента имеет какой-то своеобразный характер, не совсем похожий на чисто капиталистическую ренту (например, имеет иное назначение); но и этот случай не устраняет факта существования земельной ренты как формы, в которой происходит ценообразование и доходуобразование и под которой созревает иное, чем в чистом капитализме, содержание”²⁵.

С. Солнцев, критикуя тех экономистов, которые формально подошли к тождеству “частная земельная собственность - абсолютная рента”, замечал: “Национализация земли - нет абсолютной ренты. Формально все это верно, но понять процесс развития на основе одной формальной логики и одних логических силлогизмов нельзя. Здесь нужен анализ по существу, и тогда может оказаться, что и национализация земли имеется в какой-либо стране (например, в СССР) и существует абсолютная рента, хотя бы и с не чисто капиталистическим содержанием”²⁶.

В период свертывания НЭПа (1926-1929) ученые-экономисты страны все меньше отстаивали необходимость признания двух форм земельной ренты. Поэтому С. Солнцев, хотя открыто не говорил о целесообразности земельной ренты, но предполагал ее.

В данный период с позиции чисто формального отрицания существования абсолютной ренты выступали Л. Любимов, К. Островитянов, М. Сулковский и другие экономисты. К. Островитянов прямо отождествлял всякую форму земельной ренты с ее капиталистическим содержанием²⁷. И ликвидация частнокапиталистической ренты ведет к устранению ренты вообще в условиях ее национализации.

Л. Любимов видел отпадение абсолютной ренты лишь в разумной политике буржуазного государства, которая не будет взимать плату с худших земельных участков²⁸. Автор был сторонником ортодоксального марксизма и не стремился его развивать применительно к условиям национализации земли. Для Л. Любимова в этих условиях только дифференциальная рента возможна лишь в капиталистическом и госкапиталистическом укладах экономики.

Ряд других представителей аграрного направления советской экономической науки в то же время пошли по пути искажения марксизма. Так, М. Сулковский свое отрицательное отношение к абсолютной ренте связывал с наличием монопольной цены, и его позиция близка к теории К. Каутского. М. Сулковский определял абсолютную ренту как разницу между рыночной стоимостью и общественной ценой производства продукта, а дифференциальную - как разницу между общей и индивидуальной ценой производства этого продукта²⁹. У него величина абсолютной ренты на различных участках получилась разной, т.е. зависящей от естественного плодородия почвы. Хотя автор и чувствовал, что расходится с “Теориями прибавочной стоимости” К. Маркса, но для него это являлось несущественным. Низкое органическое строение производства в сельском хозяйстве он связывал с частной собственностью на землю. Именно в последней, а не в уровне развития производительных сил общества, в способе его воспроизводства видел М. Сулковский оправдание абсолютной земельной ренты.

Рассмотренные две противоположные концепции на судьбу земельной ренты в условиях национализации земли по-разному рассматривали и содержание налогообложения в сельском хозяйстве. Если “рентники” последовательно отстаивали рентную природу поземельного налога, то “ан-

тирентники” доказывали противоположное: отрицали связь между рентой и налогом. Позиция формального отрицания земельной ренты в этот период времени подкреплялась введением с 1926 г. подоходного налогообложения, которое в меньшей степени было связано с рентой, чем поземельное налогообложение. Подоходный налог в то время в большей степени имел социальный характер, чем экономический. Политика “раскулачивания” и образования крупных коллективных хозяйств (колхозов) привела к отходу советского государства от учета использования законов земельной ренты.

Большое влияние на отрицание земельной ренты в условиях национализации земли оказало выступление И. Сталина на I Всесоюзной конференции марксистов-аграрников (декабрь 1929 г.). Он выдвинул тезис, согласно которому в условиях национализации земли развитие крупного коллективного хозяйства в деревне само уничтожает абсолютную ренту³⁰. Естественно, что формальное отрицание основной (абсолютной) ренты привело к отрицанию и дополнительной. В 1930-х гг. отрицание абсолютной земельной ренты подкреплялось стремлением доказать ее отсутствие лишь крупностью, высокой производительностью коллективного хозяйства, отрицание дифференциальной ренты - отсутствием регулирования рыночного механизма по худшим условиям производства и выравниванием производительности земледельческого труда по различным по качеству земельным участкам³¹.

Таким образом, рассматривая историческую судьбу земельной ренты в период социализации земли (1917-1930), можно сделать ряд выводов:

- во-первых, национализация земли в России теоретически и практически была не подготовлена. Это не могло не отразиться на углублении противоречий в отношениях собственности и дисбаланса в экономике страны;

- во-вторых, проведение “социализации земли” должно опираться на систему экономических законов общества, в том числе законов земельной ренты. В условиях госкапитализма в СССР для экономического обоснования НЭПа государство использовало как основную (абсолютную), так и дополнительную (дифференциальную) земельную ренту. Это проявлялось в развитии аренды земли и поземельного налогообложения;

- в-третьих, необходимо отличать земельную ренту в условиях госкапитализма и национализации земли от частнокапиталистической и феодальной ренты. Первая отличалась по форме и назначению, использовалась в целях государственного накопления и развития экономики, в том числе и сельского хозяйства;

- в-четвертых, проведение НЭПа можно разделить на два периода: первый - с 1921 по 1925 г., когда широко использовались законы земельной ренты и экономика страны была более сбалансирована, имела значительные темпы развития; второй - с 1926 по 1929 г., когда поземельное (рентное) налогообложение замещалось подоходным, понижалось значение аренды земли, усиливался дисбаланс в отраслевом и территориальном развитии экономики (например, возникли “ножницы” в ценах на промышленную и сельскохозяйственную продукцию);

- в-пятых, идеологические и политические условия того времени привели к отказу с 1930-х гг. от закона абсолютной ренты. Это способствовало искажению правильного использования как закона абсолютной, так и закона дифференциальной ренты. Не может быть признано положение: абсолютная рента ликвидирована, а дифференциальная рента существует. Они могут существовать и проявляться только вместе в определенных формах. Такие экономические формы поземельных отношений, как аренда земли и поземельный налог, могут позитивно способствовать развитию экономики страны. А другие - подоходный налог, налог с оборота - негативно отражаться на землепользовании;

- в-шестых, в настоящее время необходимо более глубоко изучать исторический позитивный опыт исследования законов земельной ренты российскими, советскими экономистами и его использование в реализации государством НЭПа, что позволит более основательно выяснить современные проблемы земельных отношений в стране и определить основные направления их решения.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 277.

² Лысов Е.Е. В.И. Ленин о двух видах монополии в капиталистическом земледелии и двух видах земельной ренты. Куйбышев, 1970. С. 108-113.

³ Каутский К. Аграрный вопрос. Харьков, 1899. С. 90-91.

⁴ Зак С. Крестьянство и социализация земли. М., 1906. С. 56.

⁵ Зак С. Социализм и аграрный вопрос. М., 1907. С. 68.

⁶ Там же. С. 76, 88.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 181-182.

⁹ Суханов Н. Земельная рента и принципы земельного обложения. Пб., 1922. С. 77.

¹⁰ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. II, вып. 4. 3-е изд. М., 1925. С. 75.

¹¹ Берздыс Я. Теория земельной ренты. М.; Л., 1925. С. 145.

¹² Студенский Г. Рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения. М., 1925. С. 20.

- ¹³ Студенский Г. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 367.
- ¹⁶ Студенский Г. Указ. соч. С. 103.
- ¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53, 54. С. 200, 283.
- ¹⁸ Рентное обложение: справ. и руководство для финансовых работников и плательщиков. М., 1924. С. 27.
- ¹⁹ Шанин Л. Рента в условиях советской экономики // На аграрном фронте. 1926. №1-12. С. 25.
- ²⁰ Берздыс Я. Теория земельной ренты. С. 105-112.
- ²¹ Берздыс Я. К теории земельной ренты // На аграрном фронте. 1926. №10. С. 28.
- ²² Шанин Л. Рента в условиях советской экономики // На аграрном фронте. 1927. №1. С. 42.
- ²³ Берздыс Я. К Теории земельной ренты. С. 21.
- ²⁴ Солнцев С. Земельная рента в крестьянском хозяйстве. Л., 1929. С. 24.
- ²⁵ Там же. С. 30.
- ²⁶ Там же. С. 32.
- ²⁷ Островитянов К. К вопросу о земельной ренте в советском хозяйстве. М.; Л., 1929. С. 67-77.
- ²⁸ Любимов Л. Очерки теории земельной ренты. М.; Л., 1930. С. 174.
- ²⁹ Сулковский М. Земельная рента и национализация земли. М., 1931. С. 74-75.
- ³⁰ На аграрном фронте. 1930. №1. С. 7.
- ³¹ Там же. №10. С. 82.

Поступила в редакцию 05.01.2010 г.